

Н.А. Макшеева

**Полное собрание
стихотворений А.В. Кольцова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Макшеева**
Полное собрание стихотворений А.В. Кольцова / Н.А. Макшеева – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-517-99056-3

ISBN 978-5-517-99056-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. В. Кольцовъ

(3 окт. 1809 — 29 окт. 1842 гг.).

Въ началѣ прошлаго столѣтія на одной изъ главныхъ улицъ города Воронежа жилъ въ собственномъ домѣ мѣщанинъ Василій Петровичъ Кольцовъ. Человѣкъ онъ былъ зажиточный, самому себѣ обязанный своимъ достаткомъ: рано онъ обзавелся семьей, былъ отдѣленъ отцомъ и, начавъ съ маленькаго, очень успѣшно повелъ торговлю, благодаря уму, силѣ воли и трезвой жизни; разбогатѣлъ и приобрѣлъ уваженіе въ городѣ. Занимался онъ прасольствомъ, т.-е. торговалъ скотомъ. Торговое дѣло Василя Петровича принимало все болѣе и болѣе широкіе размѣры, его обороты достигали десятковъ тысячъ рублей; понятно, что одинъ онъ не могъ справляться и держалъ приказчиковъ, которыхъ посылалъ дѣлать закупку скота и наблюдать за стадами, когда тѣ паслись на выгонахъ.

Кольцовъ растилъ себѣ въ помощники сына Алексѣя (родился 3 октября 1809 года), на котораго возлагалъ всѣ свои надежды, какъ на единственнаго сына. Старшей изъ его дѣтей была дочь, за Алексѣемъ слѣдовали также три дочери, и только гораздо позднѣе родился у Кольцова еще мальчикъ, который жилъ, впрочемъ, недолго.

Въ своей семьѣ Василій Петровичъ былъ главой, всѣ въ домѣ подчинялись его суровому, крутому нраву. Сильно походилъ на него сынъ Алексѣй, мальчикъ умный, способный, но молчаливый и скрытный. Сестры говорили про него, что «онъ не выдавалъ себя и умѣлъ отводить глаза». Росъ Алексѣй подъ надзоромъ матери, женщины доброй и неглупой, да няньки изъ крѣпостныхъ; игралъ въ дѣтскіе годы съ младшими сестрами.

Чтобы имѣть въ сынѣ толковаго помощника въ дѣлѣ, отецъ задумалъ обучить его грамотѣ и съ этою цѣлью взялъ къ нему учителя семинариста, который подготовилъ

мальчика въ уѣздное училище. Мальчикъ былъ даровитый, жадный до знанія, ему бы наука далась легко и сослужила бы великую службу въ дальнѣйшей жизни. Но черезъ годъ отецъ взялъ Алексѣя домой, рассчитывая, что на базарѣ онъ будетъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ на школьной скамьѣ.

И вотъ сталъ одиннадцатилѣтній мальчикъ приучаться къ прасольскому дѣлу. Стоялъ онъ у возовъ на городскомъ базарѣ вмѣстѣ съ приказчиками, сопровождалъ ихъ во время поѣздокъ по деревнямъ и въ степи, гдѣ паслись отцовскія стада. Сильно прижились по-душѣ впечатлительному мальчику роскошныя южно-русскія степи. Ребенокъ всегда бываетъ радъ вырваться изъ города и очутиться на свободѣ, среди деревенскаго простора; тѣмъ болѣе должна была показаться привольной и веселой будущему прасолу кочевая жизнь въ степи.

Случалось маленькому Алексѣю ночевать въ степи вмѣстѣ съ чумаками-малороссами, ѣздящими къ Черному и Азовскому морямъ за солью и рыбой, для продажи этихъ товаровъ по ярмаркамъ; и вотъ ихъ-то пѣніе любило слушать будущій прасоль. Глубоко западали эти пѣсни въ чуткую молодую душу Кольцова и шевелили въ ней тайныя, никому невѣдомыя струны. Всѣмъ существомъ своимъ откликался онъ на «преданья родной страны», выливавшіяся въ заунывно-сладкихъ звукахъ. Все вмѣстѣ—и эти звучныя пѣсни среди ночной тиши, и красоты зеленого степного моря, и веселыя кочовки верхомъ на казацкомъ конѣ, и ночлеги на вольномъ воздухѣ, сильно увлекало Кольцова во всѣ возрасты его жизни и возбуждало въ немъ страстное желаніе излить въ складной рѣчи все видѣнное и слышанное имъ въ степи.

Скучно долженъ былъ чувствовать себя маленький прасоль каждый разъ по возвращеніи въ городъ. Но тамъ онъ находилъ себѣ отраду въ книгахъ, на которыя тратилъ всѣ деньги, получаемыя имъ отъ отца на пряники. Мальчикъ покупалъ себѣ на базарѣ сказки о Бовѣ-Королевичѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ, Емелѣ-Дурачкѣ и за ними просиживалъ весь свой досугъ. Этой страсти Алексѣя къ чтенію сочувствовалъ его школьный товарищъ, сынъ одного купца. Мальчики часто сходились вмѣстѣ, забирались въ глубь сада и тамъ упивались съ жадностью романами и повѣстями, которыхъ было много у пріятеля Кольцова. У него-то обыкновенно и происходили эти чтенія, потому что дома Алексѣй стѣснялся отца, не понимавшаго его страсти къ книгамъ.

Смерть маленькаго пріятеля сильно подѣйствовала на Кольцова,—это было первое горе въ его жизни. На память объ умершемъ остались ему его книги, чтеніе которыхъ развлекало мальчика, тосковавшаго о своей потерѣ.

Такъ проводилъ свои дѣтскіе годы Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, лѣтніе мѣсяцы живя въ разбѣздахъ по деревнямъ и кочуя по степи, зимой помогая отцу торговать на базарѣ. А чуть выпадала свободная минута, онъ хватался за книжку; читалъ онъ и въ степи, когда пасъ коровъ. Книги удовлетворяли пытливость мальчика, на которую никто не умѣлъ отвѣтить дома.

Когда Кольцову было лѣтъ шестнадцать, случилось ему купить на базарѣ стихотворенія Дмитріева, которыя еще больше сказокъ и повѣстей понравились ему, именно своимъ складомъ, напомнившимъ ему складъ любимыхъ имъ пѣсенъ. И онъ не читалъ, а пѣлъ стихи, удалившись съ книжкой въ укромное мѣстечко сада, подальше отъ людского глаза.

Сильно плѣнили стихи Алексѣя, и вотъ у него является желаніе сочинить и самому что-нибудь подобное. Какъ-то одинъ изъ его товарищей рассказалъ ему свой сонъ, видѣнный имъ три ночи подъ рядъ. Ему снилась все одна и та же женщина, сначала молодой дѣвушкой, потомъ въ зрѣлыхъ годахъ и, наконецъ, старухой, и она требовала, чтобъ онъ на ней женился. Кольцова поразилъ этотъ сонъ, и онъ задумалъ описать его мѣрной стихотворной рѣчью. Для образца онъ взялъ басни Дмитріева и старался подражать имъ въ складъ своего перваго сочиненія, которое онъ назвалъ «Три видѣнія»; показывать ихъ онъ никому не рѣшался.

Но вотъ вскорѣ послѣ этого Кольцовъ сошелся съ однимъ умнымъ и добрымъ человѣкомъ, который оказалъ помощь начинающему писателю. Это былъ воронежскій книгопродавецъ Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ, купецъ-самоучка, въ лавку котораго часто хаживалъ жадный до книгъ Алексѣй, когда у него заводились собственныя деньги или же просто почитать книжекъ, потому что лавка Кашкина была вмѣстѣ съ тѣмъ и читальней. Кашкинъ очень ласково обращался со своими посѣтителеми, знакомился съ ними, вступалъ въ разговоры, и потому его лавка бывала всегда биткомъ набита; особенно молодежь—гимназисты и семинаристы—любила его живую, умную бесѣду.

Кашкинъ замѣтилъ и мальчика-прасола, жадно читающаго у него книги, завелъ съ нимъ разговоръ и сумѣлъ

внушить ему такое довѣріе, что Кольцовъ рѣшился показать ему свои «Три видѣнія». Книгопродавецъ сразу увидѣлъ, что это слабая попытка, сдѣланная неумѣлымъ перомъ мальчика, и прямо высказалъ Кольцову свое мнѣніе. Но ему хотѣлось помочь пытливому мальчику, и онъ далъ ему книжку, въ которой излагались правила стихосложенія, и, кромѣ того, позволилъ ему даромъ читать какія угодно книги въ его лавкѣ. Кольцовъ былъ въ восторгѣ: онъ надѣялся извлечь изъ подаренной ему книжки дѣльные совѣты и получилъ возможность читать вволю всевозможныя книги. Онъ со страстью предался писанью, которое сначала туго у него шло: мѣрная рѣчь была ему слишкомъ мало знакома, чтобъ онъ легко могъ овладѣть ею.

Свои стихи онъ несъ показывать Кашкину, который дѣлалъ ему замѣчанія, а иногда и поправки. Обсуждалъ съ нимъ также Кольцовъ прочитанныя книги, до которыхъ Кашкинъ былъ такой же страстный охотникъ. Кольцовъ сталъ читать по преимуществу книги, написанныя стихами—сочиненія Пушкина, Жуковскаго и другихъ русскихъ поэтовъ.

Еще болѣе тѣсныя отношенія завязались у Алексѣя, когда ему было лѣтъ двадцать, съ однимъ семинаристомъ, Андреемъ Порфирьевичемъ Серебрянскимъ, очень способнымъ юношей, любимымъ товарищами за свой умъ и доброе сердце. Серебрянскій приобрѣлъ еще большее вліяніе на Кольцова, чѣмъ Кашкинъ; онъ дѣлился съ Алексѣемъ знаніями, вынесенными имъ изъ школы и изъ книгъ, и часто сходились они для общихъ чтеній и бесѣдъ. Кольцовъ также показывалъ свои стихи новому другу, который самъ былъ извѣстнымъ между семинаристами стихотворцемъ; тотъ поправлялъ молодому прасолу его нескладныя начинанія. Въ нихъ онъ замѣтилъ живое чувство и чисто народный духъ и своими совѣтами и участіемъ поддерживалъ въ даровитомъ другѣ его любовь къ писанію. Серебрянскій познакомилъ Кольцова со многими изъ своихъ товарищей, и Алексѣй Васильевичъ сталъ посѣщать кружокъ семинаристовъ.

Хорошо жилось въ юношескіе годы Кольцову. Была у него дружба, были хорошія знакомства, завелась и сердечная привязанность. Алексѣй Васильевичъ сильно полюбилъ живущую у нихъ въ домѣ крѣпостную дѣвушку, красавицу Дуняшу; понравился и онъ ей. Дуняша тайла отъ всѣхъ свою привязанность къ хозяйскому сыну, но все же прознали про то домашніе, и разсердился на сына строгій

Книгопродавецъ Кашкинъ читаетъ первое произведение Кольцова: „Три видѣнія“.

отецъ. Онъ испугался, какъ бы Алексѣй не вздумалъ жениться на «крѣпостной дѣвкѣ», и удалилъ бѣдную дѣвушку изъ своего дома, когда сынъ былъ въ отлучкѣ. Вернувшись домой и не найдя тамъ Дуняши, Алексѣй Васильевичъ схватилъ съ отчаянья горячку; когда же нѣсколько оправился, то поскакалъ ее разыскивать. Но всѣ его поиски были безуспѣшны, ему не суждено было больше увидаться съ любимой имъ дѣвушкой. По слухамъ, она была отправлена старикомъ Кольцовымъ въ какую-то станицу и тамъ выдана замужь.

Долго не могъ утѣшиться Алексѣй Васильевичъ послѣ этой насильственной разлуки. Всю жизнь сохранялъ Алексѣй Васильевичъ воспоминаніе объ этой дѣвушкѣ, но даже самые близкіе люди не слыхали отъ него жалобъ о пережитомъ горѣ. Въ слагаемыхъ имъ пѣсняхъ, а не въ разговорахъ любилъ Алексѣй Васильевичъ выражать свои чувства, и чудныя, хватающія за сердце пѣсни вылились изъ души его: «Ты не пой, соловей», «Не шуми ты, рожь», «Разлука», «Гдѣ вы, дни мои» и др., которыя и до сихъ поръ поются и читаются по всей русской землѣ.

Подъ вліяніемъ пережитаго чувства, жизненныхъ наблюдений, а также и совѣтовъ такихъ умныхъ пріятелей, какъ Серебрянскій и Кашкинъ, Кольцовъ дѣлалъ большіе успѣхи въ стихахъ и приобрѣлъ себѣ извѣстность въ Воронежѣ, какъ поэтъ-самоучка, вышедшій изъ народа. Его стихи стали ходить по рукамъ мѣстныхъ жителей. Въ 1830 г. появилось въ печати первое стихотвореніе Кольцова, безъ его подписи, въ сборникѣ Сухачева, и на слѣдующій годъ стихи Кольцова стали появляться въ московскихъ изданіяхъ уже съ его именемъ. Все это были еще слабыя попытки, но, какъ бы то ни было, большое удовольствіе долженъ былъ испытать молодой прасолъ, увидя выпущенными на свѣтъ Божій плоды своихъ размышленій и думъ.

На судьбу Кольцова сильно повліяло знакомство съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени—съ Николаемъ Васильевичемъ Станкевичемъ, которому суждено было много сдѣлать для русскаго просвѣщенія,

Сынъ воронежскаго помѣщика, Станкевичъ былъ землякомъ Кольцова, съ которымъ познакомился, еще студентомъ, въ Воронежѣ. Ему сильно понравились Кольцовскія пѣсни: отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то народнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ широкимъ, степнымъ. Видно было, что человекъ, сложившій ихъ, выросъ на степномъ просторѣ, въ простонародной средѣ,

что жизнь рабочего люда была ему близко знакома, что онъ и самъ жилъ этою трудовою, а подчасъ и разгульною жизнью.

И Станкевичъ обласкалъ Кольцова, предложилъ ему свою помощь, между прочимъ звалъ его въ Москву, гдѣ у него было много знакомствъ въ писательскомъ мірѣ. Кольцовъ и самъ испытывалъ сильное желаніе поглядѣть на свѣтъ Божій, и всею душой рвался къ новымъ людямъ, новымъ мѣстамъ. Въ первый же разъ, какъ ему выдался случай ѣхать въ Москву по торговымъ дѣламъ отца, онъ съ радостью имъ воспользовался: его тянуло и взглянуть на первопрестольную столицу и найти себѣ поддержку въ образованномъ кругу Станкевича.

Приѣхавъ въ Москву, Кольцовъ нашелъ радушный пріемъ у Станкевича, который познакомилъ его съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей и помѣстилъ его пѣсню «Перстень» въ одномъ изъ московскихъ изданій. А черезъ четыре года Станкевичъ и его пріятели напечатали отдѣльной книжкой 18 лучшихъ стихотвореній Кольцова. Принадлежащій къ кружку Станкевича В. Г. Бѣлинскій помѣстилъ въ журналѣ лестный отзывъ о пѣсняхъ молодого прасола. И самыя пѣсни и отзывъ о нихъ Бѣлинскаго разошлись по всей читающей Россіи. Кольцовъ былъ уже извѣстенъ, когда приѣхалъ въ Москву по отцовскимъ дѣламъ во второй разъ, черезъ годъ по выходѣ книжки. Въ этотъ разъ онъ дольше въ ней оставался и завязалъ болѣе знакомствъ.

Кружокъ Станкевича, все бывшіе студенты Московскаго университета, очень тепло отнесся къ поэту-прасолу. Кольцовъ хорошо себя почувствовалъ среди этой даровитой молодежи, съ душой нараспашку, собирающейся другъ у друга потолковать и поспорить о разныхъ научныхъ вопросахъ. Люди, составлявшіе этотъ кружокъ, были все даровитые, работающіе на разныхъ поприщахъ на пользу русскаго просвѣщенія; отъ нихъ Кольцовъ услышалъ то, о чемъ ему раньше не приходилось слышать, изъ разныхъ областей знанія; онъ жадно напрягалъ свой пытливый умъ, чтобы понять то, что говорилось кругомъ него. Какъ долженъ были скорбѣть умница-прасолъ о бѣдности своихъ знаній, о возможности ему самому сравняться въ образованіи съ этими блестящими молодыми людьми. Но хотя многое изъ того, что онъ слышалъ, было выше его пониманія, все же не мало новаго вынесъ онъ изъ этого кружка, который онъ въ своемъ восхищеніи называлъ «соборомъ». Особенно сошелся онъ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ. Человѣкъ

это былъ съ горячимъ сердцемъ, чуткій и отзывчивый на все доброе, всей душой отдающійся своимъ привязанностямъ. Больше всего на свѣтѣ Бѣлинскій любилъ правду и ей служилъ всю свою жизнь. Онъ доискивался ея, дѣлая оцѣнку старыхъ и новыхъ писателей, указывая въ своихъ сочиненіяхъ ихъ достоинства и недостатки. Въ Кольцовѣ Бѣлинскій сразу замѣтилъ богатое дарованіе, да ему не разъ случалось въ начинающемъ писателѣ угадывать будущую знаменитость.

Изъ Москвы Кольцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать по тяжёлымъ дѣламъ съ крестьянами насчетъ земли и выгоновъ. Съ рекомендательнымъ письмомъ Станкевича онъ явился къ одному изъ его пріятелей, а тотъ познакомилъ его съ петербургскимъ писательскимъ кругомъ. Кольцову представилось большое счастье: ему удалось попасть въ кружокъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ — А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго. Еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, долженъ былъ робѣть мѣшковатый прасоль въ гостиныхъ петербургской знати, составлявшей этотъ кружокъ.

Вотъ какимъ представлялся Кольцовъ среди этого блестящаго свѣтскаго общества:

«Въ комнатѣ находился еще одинъ человекъ, — рассказываетъ И. С. Тургеневъ про вечеръ у Плетнева, друга Пушкина, — одѣтый въ длиннополый сюртукъ, короткій жилетъ съ голубою бисерною часовою цѣпочкою и шейный платочекъ съ бантомъ, — онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человекъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушиваясь внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское, въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противоположность тому, что, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей, а, напротивъ, почти всегда, носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья. Это былъ поэтъ Кольцовъ...»

Какъ былъ счастливъ этотъ пришелецъ изъ степей, когда ему пришлось увидать и услышать такихъ людей, какъ Жуковский и Пушкинъ.

О знакомствѣ Кольцова съ Пушкинымъ рассказывалъ одинъ изъ его знакомыхъ со словъ Алексѣя Васильевича:

«Разныя хлопоты по дѣламъ отца и, какъ самъ Кольцовъ признавался, кака-то боязнь мѣшала ему явиться къ Пушкину; наконецъ, получивъ второе приглашеніе, Коль-

цовъ пришелъ къ нему. Это было незадолго до смерти Пушкина. Кольцовъ говорилъ, что видъ его былъ поразителенъ: худой, черный, со впалыми глазами и со вкочленными волосами, онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Множество книгъ и горы рукописей лежали передъ нимъ. Казалось, говорилъ Кольцовъ, Пушкинъ предчувствовалъ свою близкую кончину и спѣшилъ воспользоваться краткимъ временемъ, назначеннымъ ему судьбою, трудился день и ночь, никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ, исключая самыхъ короткихъ своихъ друзей. Едва Кольцовъ сказалъ ему свое имя, какъ Пушкинъ схватилъ его за руку и сказалъ: «Здравствуй, любезный другъ, я давно желалъ тебя видѣть». Кольцовъ пробылъ у него довольно долго и потомъ былъ у него еще нѣсколько разъ. Онъ никому не говорилъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ, и когда рассказывалъ о своемъ свиданіи съ нимъ, то погружался въ какое-то размышленіе» (Юдинъ).

Пушкинъ и Жуковскій оцѣнили въ Кольцовѣ чисто-народнаго поэта, выразителя думъ и чувствъ русскаго простолюдина. Какъ человѣку, стоящему близко къ крестьянамъ, они посовѣтовали ему собирать народныя пѣсни, въ которыхъ находили много прелести и интереса.

Пушкинъ взялъ у Кольцова тетрадку его стиховъ, чтобы выбрать изъ нихъ что-нибудь для своего журнала «Современникъ». Изъ нихъ онъ напечаталъ только «Урожай». Другія произведенія, оставленныя у него Кольцовымъ, онъ нашелъ неподходящими для печати. Кольцова Пушкинъ находилъ человѣкомъ «съ большимъ талантомъ, съ широкимъ кругозоромъ, но бѣднымъ образованіемъ, отчего эта ширь разсыпалась въ фразахъ».

Какъ глубоко читилъ Пушкина Кольцовъ, видно изъ слѣдующаго разсказа. Однажды, когда Кольцова попросили въ гостяхъ, откуда только что уѣхалъ Пушкинъ, прочесть свою «Думу», онъ смутился и наотрѣзъ отказался. Когда его потомъ спросили, почему онъ не хотѣлъ читать, онъ отвѣтилъ: «Что же это я сталъ бы читать-съ: тутъ Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!»

Сильно скорбѣлъ онъ, узнавъ о кончинѣ нашего великаго поэта.

«О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ!
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!»

говорить онъ въ письмѣ къ одному изъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ стихотвореніи «Лѣсъ» Кольцовъ оплакиваетъ судьбу Пушкина, сравнивая его съ лѣсомъ въ осеннюю пору, лишеннымъ листьевъ, обезсиленнымъ непогодю. Такъ и великій поэтъ былъ осилень завистью и кознями враговъ.

Вниманіе къ Кольцову другого нашего поэта, В. А. Жуковскаго, было такъ велико, что, говорятъ, онъ представилъ народнаго пѣвца императору Николаю. У того же Жуковскаго и у нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ между петербургскими писателями Кольцовъ нашелъ себѣ помощь въ дѣлахъ, для которыхъ пріѣхалъ въ столицу: они ходатайствовали за него передъ разными сановниками, давали ему рекомендательныя письма,—однимъ словомъ, оказывали ему, въ чемъ могли, свое участіе. Благодаря имъ, Алексѣю Васильевичу удалось благополучно окончить въ Петербургѣ свои дѣла, для которыхъ онъ оставался тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Свободное отъ дѣловыхъ хлопотъ время онъ посвящалъ обществу писателей, ходилъ на ихъ вечера и для нихъ устраивалъ у себя пирушки, на которыхъ «хозяинъ, по русскому обычаю, постоянно обходилъ гостей съ подносомъ, предлагая пить», а за ужиномъ угощалъ ихъ соленой рыбой изъ Воронежа.

Счастливо окончивъ отцовскія дѣла, познакомившись съ самыми знаменитыми писателями того времени и съ журналистами, черезъ которыхъ онъ могъ въ будущемъ печатать свои стихи, Кольцовъ вернулся въ Воронежъ. Велика должна была быть радость родителей, когда сынъ воротился въ почетѣ и извѣстности, обласканный тогдашними знаменитостями и вліятельными людьми, къ тому же благополучно окончивъ дѣла, за что старикъ, вѣроятно, похвалилъ Алексѣя, оправдавшаго его надежды. Весь Воронежъ заговорилъ о славѣ молодого прасола, которая еще больше возросла, когда, черезъ годъ по возвращеніи изъ столицъ, Кольцова посѣтилъ проѣзжавшій черезъ Воронежъ съ наслѣдникомъ его воспитатель Жуковский.

Такая честь, оказанная сыну, должна была вскружить голову гордому, тщеславному старику Кольцову, который, конечно, не упустилъ случая похвастать передъ своими знакомыми. Теперь онъ сталъ иначе смотрѣть на писанье Алексѣя, благодаря которому сынъ его сталъ водиться съ генералами. Въ своей семьѣ молодой Кольцовъ находилъ большую поддержку въ младшей сестрѣ Анисѣ, умной,¹ даровитой дѣвушкѣ. Ей онъ читалъ свои пѣсни, спрашивая